

of the Midland speech that has assimilated some coastal Southern forms (outsiders often mistakenly believe South Midland speech and coastal South speech to be the same).

The island state of Hawaii has a distinctive Hawaiian Pidgin.

Finally, dialect development in the United States has been notably influenced by the distinctive speech of such important cultural centers as Boston, Chicago, Philadelphia, Charleston, New Orleans, and Detroit, which imposed their marks on the surrounding area

ДООКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД ПРОНИКНОВЕНИЯ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В АБАЗИНСКИЙ ЯЗЫК

Акбаева А.И.

Карачаево-Черкесская государственная технологическая академия, Черкесск, e-mail: mariatharatokova@yandex.ru

Одним из первых заимствований из русского языка этого периода считается слово «русский»: урышв – в абазинском. Проникновение этнонима (урышв) как в лексику горских народов, так и в русскую речь (обезы, касоги, керкеты, аланы и др.) было вызвано устанавливаемыми контактами с Россией.

Во второй половине XIX в. учащиеся Ставропольской гимназии, представители привилегированных слоев местных народов, явились одними из первых посредников в процессе взаимовлияния их родных языков с русским. Эти контакты также способствовали проникновению русской лексики в абазинский язык.

Основная часть местного населения, в большинстве своем безграмотная, лишь в торговых операциях поддерживала связь с жителями казачьих станиц: без знания хотя бы некоторых слов русского языка трудно было общаться и реализовать свой товар. Потребность в экономических связях стала ведущим мотивом к изучению русского языка. Большая часть русских заимствований вошла в абазинский язык в дооктябрьский и послеоктябрьский периоды. Основная функция русского языка в дооктябрьский период заключалась в том, что русский язык на территории нынешней Карачаево-Черкесии был языком торговли и бытовых контактов.

Заселение территории нынешней Карачаево-Черкесии, где проживал и абазинский народ в XIX веке казаками, хотя и было связано с завоевательной политикой царизма, также способствовало расширению контактов горских народов с русским населением.

Языковые контакты дооктябрьского периода связаны с заимствованием из русского языка или через его посредничество двух основных групп лексики: разговорно-бытовой и общественно-политической. Правда, устный характер заимствований способствовал тому, что большинство лексем претерпевало фонетические изменения в соответствии с законами заимствующих языков.

Следует обратить внимание и на тот факт, что часть заимствований происходила под влиянием речи жителей казачьих станиц (частично — представителей украинской диаспоры), поэтому русские заимствования дооктябрьского периода в абазинском языке испытали сильное влияние южнорусского диалекта и сильно украинизированной местной речи.

В дооктябрьский период из русского языка или через его посредничество в абазинский, вошла общепотребительная, материально-бытовая лексика, связанная со следующими видами номинаций:

а) жилище, постройки и стройматериалы: карниз, стропила, печь (в значении комната), коридор, пол, рама, кирпич, брус, амбар, доска, известка, полова, кран, лом, плотина, толь, черепица и др.;

б) домашняя утварь, посуда, обстановка: щетка, стол, графин, кастрюля, кружка, стакан, чайник, са-

мовар, рогожа, ящик, бочка, комод, поднос, бутылка, цепь, фонарь, чугунок, подушка;

в) одежда, обувь: кофта, шинель, галоши, плащ, картуз и др.;

г) пища, напитки: жаркое, варенье, пряник, конфета, самогон, (в значении «жареный картофель») и др.;

д) сельскохозяйственные культуры: капуста, семечки (в значении «подсолнух»), овес, махорка и др.;

е) торговая лексика и терминология: пятак, копейка, гирия, счет, расход, десятина и др.;

и) орудия труда и производственная терминология: маслобойня, молотилка, завод, амбар и др.;

к) ткани: шевиот, драп, сатин и др.;

л) меры, единицы измерения: фунт, сажень, четверть, осьмушка, дюжина, десятина, грамм, пуд, гирия, мерка (в значении «сосуд для измерения»);

м) средства сообщения, орудия и средства передвижения: хомут, вожжи, постромки, дышло, барка, тачанка, линейка (легковая повозка), станция, вагон, вокзал, бедарка, мажар (повозка для перевозки зерна) и др.;

Через горскую аристократию в абазинский язык начинает входить топонимика, общественно-политическая лексика и терминология, называющиеся:

а) города, страны: Россия, Москва, Петербург, Екатеринодар, Ростов, Харьков, Воронеж, Соловки (место ссылки), Астрахань, Германия, Франция, Япония, Китай, Англия, Сибирь и др.;

б) чины старой русской армии: офицер, атаман, солдат, генерал, полковник, драгун и т.д.;

в) сословия, профессии, чины административного управления: князь, купец, граф, пристав, полиция, начальник, мужик, писарь, полицейский, приказчик, помещик, казак и др.;

г) юридические и канцелярские термины: конверт, этап, каторга, почта и др.

Всего около 120 слов.

Итак, основная часть русизмов, заимствованных в дооктябрьский период, принадлежит лексике, называемой сферы материально-бытовой, общественно-политической жизни, топонимии. Однако надо отметить, что общеупотребительными в абазинском языке в этот период стали немногие слова, заимствованные из русской разговорно-бытовой лексики. Общественно-политическая и производственная терминологии были знакомы лишь культурным слоям населения, используя в речи местной аристократии, усвоившей русский язык как систему. Эти группы лексики вошли в речевой обиход к концу XIX – началу XX века под влиянием сильной колонизаторской и русификаторской политики русского правительства.

ОБРАЗ ДЕТЕЙ ИММИГРАНТОВ НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АЛЕВ ТЕКИНАЙ И КАДЗУО ИСИГУРО

Акулова И.В.

Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского, Чита, e-mail: Irina6688@yandex.ru

Литература иммигрантов, как одно из проявлений эмигрантской культуры, в последнее время представляет все больший интерес для изучения. Писатели-мигранты, являясь культурными маргиналами, носителями двух разных культур, заметно обогащают национальную литературу любой страны, внося в нее что-то новое [5]. В данной статье предпринята попытка проанализировать и сравнить средства создания художественных образов детей мигрантов в творчестве немецкой писательницы турецкого происхождения, Алев Текинай и английского автора, рожденного в Японии – Кадзуо Исигуро. Материалом для работы послужили рассказ Алев Текинай «Небо, полное воздушных шариков» и роман Кадзуо Исигуро «Там, где в дымке холмы». В обоих произведениях читатель

встречается с семьями мигрантов, в которых четко прописаны образы детей.

В рассказе Алев Текинай, «Небо, полное воздушных шариков», главной героиней является Сибил, старшая дочь турецкого гастарбайтера, живущая вместе с семьей в Германии. У Сибил есть старший брат Зинан и младшая сестра Зельда. Каждый из трех героев демонстрирует разную степень адаптации к жизни в чужой стране. Наиболее четко это прослеживается благодаря такому средству создания образа, как внутренняя речь героев. В рассказ вставлены размышления всех троих подростков, которые помогают понять их мироощущение и взаимодействие с окружающей действительностью. Важную роль играет не только то, что подростки говорят о Германии, но, прежде всего, как они говорят: к каким эпитетам прибегают, насколько эмоционально окрашенные выражения используют.

Исходя из размышлений Зинана, можно заключить, что именно он лучше всего адаптирован к жизни в чужой стране: «Мне многое нравится здесь, в Германии. Многие детские мечты сбылись, наши дела стали идти лучше. Я езжу на мопед и могу одеваться так, как мне нравится» [1: 25]. Однако, даже Зинан чувствует себя чужим в Германии: «Я до сих пор иностранец, не смотря на то, что я вырос в этой стране» [1:26].

Его сестра Зельда испытывает то же чувство: «Я родилась здесь, но Германия мне не Родина. Да и о Турции я практически ничего не знаю» [1:29]. Девочка мечется между турецкой и немецкой культурой, отдавая предпочтение немецкой: немецкие шлягеры нравятся ей больше, чем турецкая музыка [1:28], она не хочет носить платок, и даже осмеливается снять его на пути с занятий домой.

Самое незавидное положение, как отмечалось нами в публикации «Лингвопоэтические средства создания образа мигранта в рассказе Алев Текинай «Небо полное воздушных шариков», у главной героини – семнадцатилетней Сибил. Она часто с ненавистью думает о своём будущем, о том, что должна подчиниться воле родителей, оставить учёбу, выйти замуж за нелюбимого, малознамого человека, только потому, что так решили родители [2: 216]. «Я сыта этим всем по горло. Домашними обязанностями, свадебными планами, которые строят за меня родители, посещениями Камилы, и вообще всей жизнью» [2: 216].

Главная трагедия Сибил в том, что она не является хозяйкой собственной судьбы, не имеет возможности сама за себя принимать решения, а так же не находит поддержки со стороны своей семьи, прежде всего, своих родителей. Е.А. Левина-Крамер, в своей статье «Факторы формирования культурной идентичности личности в «чужой» культуре» отмечает, что «Одним из важных факторов формирования новой культурной идентичности является семья, ее культура» [3: 162]. С этой точки зрения, образ Кейко, встречающийся в романе К. Исигуро «Там, где в дымке холмы», близок образу Сибил. Кейко так и не смогла адаптироваться в Англии, куда она переехала со своей матерью из Японии после Второй Мировой Войны, и покончила жизнь самоубийством. Определяющую роль в адаптации девушки сыграла именно её семья. Процесс адаптации Кейко в Англии был долгим и болезненным, и она так никогда и не стала частью своей английской семьи. Английский отчим «по большей части просто игнорировал её», как признает младшая сестра Кейко, Никки [4: 175]. Некоторые исследователи, в том числе и Ю-Ченг Ли, склонны считать, что образ Кейко прорисован так же через описание Мариико, маленькой девочки, мать которой собиралась эмигрировать в Америку. В своем романе К. Исигуро прибегает к такому приему как «ненадежный повествователь» – повествование ведется от первого лица и читателю оче-

видно, что рассказчик сознательно недоговаривает или искажает некоторые факты [6: 218], автор вводит в роман дополнительных персонажей – Сатико и её дочь Мариико, о которых рассказывает главная героиня романа, Эцуко. Образы этих персонажей неразрывно связаны с образами главной героини и её старшей дочери. Е.Б. Борисова, отмечает, что существуют образы, которые относятся к сфере психологии и мысли повествователей, лирических героев художественных произведений. Такие образы не способны в полной мере изобразить вымышленную реальность. [8; с. 21]. Ссылаясь на Хализева В.Е., Борисова Е.Б. пишет, что в текст могут вводиться другие, побочные образы, которые «позволяют стягивать разнородные явления в одно целое. В образе один предмет явлен через другой, происходит их взаимопревращение».

По словам Кинтии Вонг, поведение Мариико предопределяет самоубийство Кейко [7; 129]. Мариико растёт без отца и, по большому счету, без матери, которая часто отсутствует дома, оставляет девочку без присмотра или на попечении малознакомой женщины. Она не ходит в школу и не общается с соседскими детьми. Девочка не принимает своего американского отчима, и не хочет уезжать из Японии в Америку. О.Г. Сидорова отмечает, что «Мариико выброшена из теплого и уютного мира семьи, но все ещё находится в родной среде» [6; 218]. Если рассматривать Мариико как ипостась образа Кейко, можно увидеть, что между девушкой и её матерью изначально наблюдался конфликт, который только усугубился с переездом в другую страну. Как и героиня А. Текинай, Сибил, Кейко была лишена права собственного выбора и поддержки семьи. Обе девушки чувствуют себя отчужденно и, по сути, оказываются чужими в собственных семьях.

Некоторые черты сходства можно усмотреть так же и в образах младших дочерей, созданных в обоих произведениях. И Зельда и Никки родились уже за пределами родины своих родителей, обе носят европейские имена, и та и другая легко воспринимают окружающую их европейскую культуру. На этом сходства героинь исчерпываются.

В речи турецких девушек неоднократно встречается желание жить «под чистым небом» (Ein freier Himmel). Для них чистое небо – это визуализированная свобода. Сибил и Зельда ощущают себя несвободными, чувствуют некий гнет, ограниченность. В этом их поддерживает и брат Зинан: «Я получил свободу, но эта свобода ограничена. Эта жизнь в беспоконье» [1: 26].

Ограниченной, несвободной жизнью жила и Кейко. Изначально отсутствие её свободы проявлялось в невозможности принимать за себя решения, каким-либо образом повлиять на собственную судьбу. Позже она сознательно и окончательно отстранилась от своей семьи, закрылась в собственной комнате и нигде из нее не выходила. Таким образом, моральная несвобода перешла в физическую. Наивысшей точкой отстраненности Кейко стало ее самоубийство. Самоубийство – серьезная деталь образа Кейко, подчеркивающая, что девушке не удалось адаптироваться в чужой стране. О.Г. Сидорова рассматривает самоубийство как «акт протеста против насильственной ассимиляции, угрозы потери идентичности» [6: 213], однако, на наш взгляд, данное действие – не что иное, как выражение неспособности справиться с внешними и внутренними трудностями адаптации в одиночку. Наиболее успешно адаптировавшейся героиней является младшая дочь Эцуко – Никки. Никки – европейская девушка, живущая в Лондоне и привыкшая к ритму большого города. Об этом говорят её стремительные действия: на прогулке по парку она идет довольно быстро, так, что матери приходится прилагать усилия, чтобы не отставать от неё; она постоянно об-

щается с кем-то по телефону, причем, к телефону она не подходит, а подбегает.

Такая степень адаптированности Никки не удивительна: её отец – англичанин, она родилась и выросла в этой стране, в отличие от старшей сестры, Кейко. Таким образом, Никки – не иммигрантка, а лишь дочь мигрантки. Это выделяет данный образ на фоне других, рассмотренных выше образов. Зельда, младшая сестра Сибил из рассказа А. Текинай так же родилась в Германии. Но существенное отличие девушек в данном случае заключается в родителях. Никки – англичанка уже от рождения. Это позволяет ей не чувствовать себя чужой в стране, в которой она родилась.

Подводя итог, следует отметить, что рассмотренные образы имеют некоторые черты сходства, несмотря на различия в исходных культурах. Дети японцев и турок переживают схожие эмоции и чувства, испытывают похожие трудности при адаптации в европейской культуре. Авторы создают образы детей мигрантов, прибегая к изображению их отношений с родителями и между собой, показывая тем самым, что семья является важным фактором адаптации в принимающей культуре и формировании идентичности.

Список литературы

1. In zwei Sprachen leben. Berichte, Erzählungen, Gedichte von Ausländern. Heraus gegeben von I. Ackermann. München: Deutscher Taschenbuch Verlag. – 1983.
2. Акулова И. Лингвоэстетические средства создания образа мигранта в рассказе Алев Текинай «Небо полное воздушных шариков» // Лингвистика и межкультурная коммуникация в студенческих научных исследованиях: материалы региональной студенческой конференции 8-9 сентября 2010г. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2010. – С. 211-216.
3. Левина-Краммер Е.А. Факторы формирования культурной идентичности личности в «чужой» культуре // Известия Уральского государственного университета. – 2009. – № 3(69). – С. 157-164.
4. Кадзуо Исигуро. Там, где в дымке холмы // Эксмо. – 2007. – 224 с.
5. Костина И.Н. Феномен маргинальной личности в культуре турецкой диаспоры Германии (на материале литературного творчества): автореф. дис. ... канд. культурологии. – Чита, 2007.
6. Сидорова О.Г. Британский постколониальный роман последней трети XX века в контексте литературы Великобритании: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2005.
7. Wong C.F. The Shame of Memory: Blanchot's Self-Dispossession in Ishiguro's A Pale View of Hills // CLIO. – 1995. – №24. – С. 127-145.
8. Борисова Е.Б. О содержании понятий «художественный образ» и «образность» в литературоведении и лингвистике // Вестник Уральского государственного университета. – 2009. – №35 (173), Филология. Искусствоведение. Вып. 37. – С. 20-26.

СПЕЦИФИКА ВЫРАЖЕНИЯ АРГУМЕНТАЦИИ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

Альгасова Н.В., Шушарина Г.А.

*Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет, Комсомольск-на-Амуре,
e-mail: lmk@initkms.ru*

Рекламный дискурс является средством социального регулирования и воздействия на различные социальные группы, предлагая им тот образ мыслей и тот стиль жизни, которые в данный момент являются ключевыми и отражают уровень развития культуры.

В рекламном дискурсе для осуществления вышеуказанной функции используются два основных вида аргументативных стратегий: рациональные и эмоциональные. В том случае, если аргументация какого-либо рекламного послания, главным образом, опирается на последовательную цепочку логических доводов, говоря об использовании рациональных стратегий. В этом случае создатели рекламы стремятся использовать как можно большее количество фактов, ссылок, цитат. При этом адресат или потребитель посредством тщательной обработки полученной им информации, впоследствии создаёт осмысленное отношение к только что услышанному или увиденному. Обычно, такая форма аргументации используется в том случае, если предлагаемый товар сложен и покупатель требует большой вовлечённости потребителя.

Эмоциональные стратегии предполагают выстраивание привлекательного образа рекламного продукта в глазах потребителей в рамках рекламного сообщения. Созданный при помощи ассоциаций образ формирует в глазах покупателей определённые символы, выступающие в роли наглядной характеристики того или иного продукта. Эмоциональные призывы применяются для того, чтобы способствовать положительной оценке какого-либо предмета, действия или события.

Однако на сегодняшний день прослеживается тенденция комбинирования двух стратегий в пределах одного рекламного сообщения, так как различие между рациональными и эмоциональными призывами постепенно стираются. Во-первых, эмоциональные факторы могут выступать в роли рациональных аргументов, являющимися основной причиной совершения покупки. Во-вторых, рациональные призывы зачастую основаны не на формальной логике, а на правилах, которые потребители используют в реальной жизни.

Таким образом, в широком спектре рекламируемых товаров и услуг, для достижения конечной цели первоочередную роль играют выбор и организация аргументативных стратегий в рамках рекламного дискурса.

ВОЕННЫЕ ТЕРМИНЫ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Ангелова Н.В., Грищенко А.А.

*Военный авиационный инженерный университет,
Воронеж, e-mail: panda0123@rambler.ru*

Культура народа, по мнению В.С. Жидкова и К.Б. Соколова, представляется в виде «сгусток» факторов культуры, которые значимы для данной нации, и ценностей, составляющих духовный и социальный фундамент существования национально-языкового коллектива. Из этого источника словно «вырастают» различные лепестки («субкультуры»), причём по мере удаления от центра осуществляется накопление отличий, которые постепенно переходят в культурные вариации и контркультуры [1]. Это следует, по замечанию Е.В. Медведевой, отнести и к национальному языку, поскольку «из литературного языка ... как из сердцевины цветка, «вырастают» **социолекты** – *разновидности данного языка, употребляемые какими-либо социальными общностями людей, которые находятся в постоянном и непосредственном языковом контакте*» [2]. Профессиональный критерий же становится одним из тех критериев, по которому можно дифференцировать общество и выявить социолекты. В современном мире специалист как носитель языка, как известно, владеет соответствующей терминологией, то есть «*соотнесенной с какой-либо профессиональной сферой деятельности ... совокупностью терминов, которые связаны друг с другом на понятийном, лексико-семантическом, словообразовательном и грамматическом уровнях*» [3].

Военному специалисту для формирования профессиональной компетентности необходимо чтение современных аутентичных информационных военных текстов. Это требование предъявляется к офицеру современным обществом. Особенно это важно для переводчика. Он должен уметь извлекать необходимую информацию как из военно-научных текстов и военно-технических материалов (наставлений по видам боевой техники и вооружению, описаний новых образцов оружия и инструкций по эксплуатации техники), так и из военно-информационных текстов (статей в журналах, газетах, в справочной литературе) на иностранном языке. Последний вид военной литературы представляет особый интерес, поскольку позволяет пополнить специальные знания в области военного дела и быть в курсе появления новых терминов и понятий. Данная литература характеризуется обилием